

— Где она впервые была поставлена?

— В Европе, в Париже. Ходасевич писал, что это действительно «событие» в Русском эмигрантском театре.

— А здесь ее поставили в Бостоне или в Нью-Йорке?

— В Нью-Йорке.

— Не знала, что Добужинский был домашним учителем рисования у Володи Набокова.

— Это было еще в 10-е годы. Ковнер рассказывает в фильме, что, когда Набоковы приехали в Америку, их дружба с Добужинским продолжилась. Существует экземпляр «Николая Гоголя», подаренный Добужинскому, на котором рукою Набокова написано: учителю от ученика.

— Теперь, после вашего фильма, эти две судьбы в нашем сознании будут переплетаться. Один преподавал в Уэлсли, другой — писал там пейзажи. Дружили и сотрудничали. А как вы нашли преподавателя из Уэлсли-колледжа?

— Это Адам Вайнер. Он сейчас в буквальном смысле сидит в кресле Набокова.

Он читает курс о Набокове, работал над книгой о нем. А еще он пробивает мемориальную доску в честь Набокова в Уэлсли-колледже.

— Прибывает или пробывает? Неужели в Уэлсли нет набоковской мемориальной доски?

— До сих пор нет.

— А ведь Набоков — крупнейший американский писатель...

— Надеюсь, что скоро, благодаря усилиям Адама, доска появится.

— А как вы на него вышли?

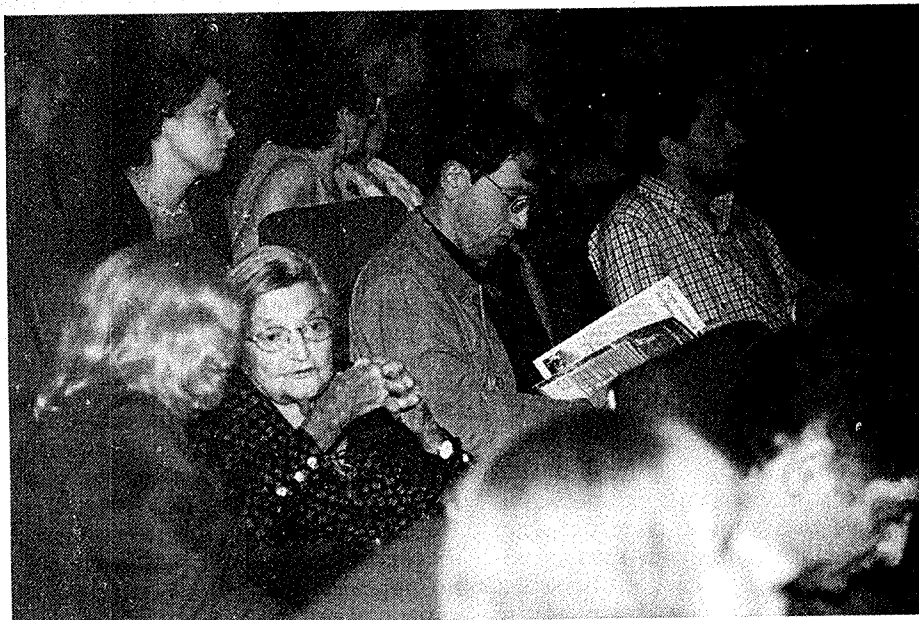
— Я о нем слышала, что есть интересный преподаватель русской литературы в Уэлсли-колледже.

— Мне вначале показалось, что он не русский.

— А он и есть нерусский. Но по-русски говорит прекрасно.

— Жанр картины я бы определила как «фильм-исследование», ибо вы вместе с соавтором, Леонидом Спиваком, по крупицам собрали материалы о пребывании Набокова в Бостонском ареале. Мне показалось даже, что фильм слегка перегружен: слишком много фотографий, ландшафтов, рассказчиков, закадровых голосов... Кстати, о

голосах. Замечательно, что прозвучал записанный на пленку голос Набокова, читающего свои и тютчевские стихи. Но вот интересно: у Набокова обнаружился ярко выраженный акцент и некоторая манерность при чтении. А стихи Тютчева, хрестоматийные «Молчи, скрывайся и тай», он читает с изменением авторских слов и ритма... Вы не боялись, что «такой» Набоков не

Маргарита Ивановна Зарудная-Фриман на премьере фильма в Бостоне. Справа от нее Максим Шраер-Петров и Михаил Ковнер.

понравится слушателям?

— Нет, не боялись. Одно дело наше воображение, другое — живой голос и живое восприятие. Я прослушала много записей Набокова — оба поэтических вечера — и выбрала эти два стихотворения: набоковское «Моей юности» и «Silentium» Тютчева. Выбор был не случайным. Мне показалось, что он читает тютчевское стихотворение настолько прочувствованно, как будто он его сам писал.

— Вы хотите сказать, что потому и получилась замена слов и ритма? У него, возможно, было ощущение, что это его стихи, с которыми он может делать все что хочет...

— Совершенно верно. Он их как бы присвоил, потому что они ему очень соответствуют. И прочитано стихотворение было очень эмоционально. А что касается произношения — в аристократической среде было принято грассировать. Когда

сам Набоков услышал свою запись в 1946-м году, ему будто бы она не очень понравилась, и он начал работать над своим произношением. На поэтическом вечере 1952-го года у него уже значительно меньше в произношении этого раскатистого R.

— В конце вашего фильма звучит песня Елены Камбуровой. Мне показалось, что она случайна в фильме, не вытекает из его музы-

кального ряда, выстроенного на музыке Баха и Берлиоза.

— Песня Камбуровой мне, напротив, представляется очень точной в передаче набоковского напряженно-поэтического отношения к жизни. Она написана на стихи Набокова «Весенний лес». Песня звучит в конце фильма, чтобы зритель унес с собой набоковское настроение: «Жизнь прекрасна, жизнь печальна — это все, что вам нужно знать...».

Я очень благодарна Елене Камбуровой, которая специально для фильма записала эту песню.

— Записала или написала?

— Написала она ее раньше, а запись делалась по персональной просьбе.

— Фильм прошел в Бостоне, причем не один раз, и будет еще показан в бостонских кинотеатрах. Какие планы с ним связаны?

— Пока мы закончили англий-

скую версию. Фильм пойдет на ТВ, будут еще показы.

Мы подаем его на нью-йоркский фестиваль, хотим посмотреть, какие будут отзывы, критика. Планируем показать его по Америке — многие люди звонят с предложением помощи. Судя по всему, люди неравнодушны к этой теме. Кроме того, что Набоков — известный писатель, его судьба вызывает какой-то личный отклик у наших зрителей.

— Понятно почему. Общая эмигрантская судьба... Был человек, такого масштаба как Набоков, который до них прошел этот путь, не всегда счастливый, хотя фильм и называется «Счастливые годы».

— Скорее всего, это и привлекает.

— А что с Россией? Есть там интерес к фильму?

— На одном из фестивалей нам сказали, что у них есть компания, которая продает картины в Россию. Обрадовались, что у фильма есть русский вариант. Но это все, как вы понимаете, зависит...

— От судьбы. Пусть у фильма будет счастливая судьба. Пусть эту «затонувшую Атлантиду», не известную ни здесь, ни в России, увидит как можно больше людей. И еще: будет замечательно, если вы продолжите это начинание и сделаете фильм о Вере Набоковой, женщине-еврейке, жене, помощнице, музе...

— Все свои книги Набоков посвятил Вере.

— Ну так — в добрый путь! ✦

Размещение рекламы

Звоните:

1-410-998-2010

Принимаем
кредитные карточки

АРХИВЫ РАЗВЕДКИ

МАРК ШТЕЙНБЕРГ
Нью-Йорк

Вячеслав Тихонов
в фильме
«Семнадцать
мгновений весны»

Штирлиц ЛЕГЕНДА И ПРОТОТИП

Вилли ЛЕМАН И СОВЕТСКАЯ АГЕНТУРА В ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

— Штирлиц! Где это вы научились так метко стрелять? — спросил Мюллер.

— В ДОСААФ — ответил Штирлиц и подумал, не сболтнул ли он лишнего.

Анекдот

Просмотрев «17 мгновений весны», Леонид Ильич распорядился представить полковника Исаева к званию Героя Советского Союза.

Не анекдот

В начале 80-х годов прошлого века, Главное разведывательное управление генштаба Советской Армии (ГРУ ГШ) провело учебный сбор командования бригад и отдельных войсковых частей Спецназа. Занятия в основном проходили в здании Военно-дипломатической академии, что неподалеку от станции метро «Октябрьское поле» в Москве. Академия та, в сущности, была двухгодичной школой по подготовке шпионов и сбор офицеров разведывательно-диверсионных частей, чем и является армейский Спецназ, но сил специфику этой школы.

В один из дней слушателям объявили, что курс агентурной разведки будет вести очень опытный и заслуженный нелегал, к которому следует обращаться по имени-отчеству — Ян Петрович. И в аудиторию вошел пожилой человек, среднего роста, неприметный внешне, неопределенной, но, безусловно, европейской

национальности. По-русски он говорил безупречно, с некоторым, однако, акцентом.

После первой же лекции у слушателей не осталось сомнений: этот человек — один из самых опытных и профессиональных резидентов военной разведки. Через 13 лет после того сбора, указом Ельцина Яну Петровичу Черняку, руководителю разведгруппы ГРУ, действовавшей в Германии на протяжении 11 лет, включая Вторую мировую войну, было присвоено звание Героя России.

В состав его группы входило более 30 немцев. Многие из них занимали ответственные посты в силовых ведомствах рейха и в его военной промышленности. Об их деятельности и сегодня почти ничего неизвестно. Достоверно только то, что Ян Черняк отправил в Центр огромное количество ценнейшей информации военно-политического и оперативно-стратегического характера. И, что вообще уникально, — ни один из членов его разведгруппы никогда не был раскрыт противником.

И хотя ничего такого участники сбора тогда не знали, но высочайший профессионализм этого разведчика чувствовался в каждом его слове, да и в особенной какой-то повадке. На последнем его занятии один из офицеров задал вопрос, который